

# Александр Савченко

Родился в 1937 году в рабочем посёлке Любино Омской области. Получил специальность инженера-гидротехника, по распределению из Омска был направлен молодым специалистом в Кузбасс. Работал в Мариинске и в Кемерове, с 1967 года – в Новокузнецке.

До выхода на пенсию почти четверть века – в «Сибгипроме»: в должности начальника отдела занимался вопросами очистки промстоков на металлургических производствах.

Александр Карпович Савченко печатался в альманахах «Литературный Омск», «Кузнецкая крепость», в журналах «Юность», «Крокодил», «Шмель», «Огни Кузбасса», в «Литературной газете».

Участвовал в коллективном сборнике «Музыка Победы». Автор книг «СОВ ПАДЕНИЕ» и «В плену времён». Лауреат журнала «Огни Кузбасса» за 2012 год.



## ДВОЕ ИЗ-ЗА БУГРА

*...Руководители отдела американской разведки Отто Бремер и его заместитель Джон Кук готовят к заброске в новую Россию шпионов для подрывной работы в сфере экономики. Найдены подходящие кандидатуры. Главный в группе Кларк Лейсли – по легенде, Селивёрстов Василий Петрович, кличка «Пантера». Его помощник Вилли Кросби, он же Пётр Никифорович Верёвкин с кличкой «Бык».*

*Оба на двухпалубном теплоходе «Уинстон Черчилль» отправляются 5 апреля 1998 года в свой путь из лондонского порта. После длительного путешествия прибывают в Рим, где с ними происходят первые неожиданные приключения. Бык избил арабского принца, но сумел скрыться. Итальянская полиция арестовала похожего на Быка русского боцмана Фёдора Краюхина с российского корабля «Плюрализм».*

*Вскоре шпионы попадают в бывший Ленинград, где получают необходимые указания от местной резидентуры и направляются на поезде к месту своей основной «работы» – в сибирский город Энск (подразумевается большой промышленный город). По дороге они вплотную знакомятся с русским образом жизни. Шпионов удивил небывалый оптимизм русских людей. В том числе, заложенный в народных частушках...*

*В середине мая шпионы добираются до Новосибирска, а вскоре и до Энска. В вагоне знакомятся с «челночницей» Соней Молоток. Она приглашает на первых порах остановиться в её трёхкомнатной квартире, где живёт с отцом, бывшим горняком. Здесь же происходит знакомство шпионов с ближайшей подругой и помощницей Сони – Дарьей Сироткиной...*

*Женщины имеют большие виды на прибывших молодых мужиков. Но у тех свои планы. Им надо попасть в Чулымский лесхоз и там внедриться в качестве прибывших специалистов из Прибалтики.*

*Итак, шпионы отправляются в лесхоз...*

...Станция была небольшая. К ней примыкал заросший травой лесопогрузочный узел.

– М-да... – вывел Пантера. – Плохо работает наш леспромхоз.

Бык сонными глазами обвёл местность, сказал нараспев:

– Хорошо здесь! И, хрустнув суставами плеч, потянул руки в стороны.

Пантера косым взглядом приметил двух парней в жёлтых жилетках:

– Спросим, как дальше ехать.

– Так это ж монголы... Откуда им русский знать?

– Нет, Петя. Помнишь, какой здесь коренной народ?

– Ну, шорцы.

– То-то!

Шпионы подошли к коренному населению, поздоровались.

– Как нам до Чулымского леспромхоза добраться? – спросил Пантера.

– Минут через двадцать Колька Тудегешев должен на своем "Камазе" подъехать. Он вас и заберёт. Запросто!

Вскоре появился из ельника "Камаз", обрызганный свежим раствором глины.

Один из шорцев свистнул:

– Колька, валяй сюда!

Колька сначала поковырялся под крышкой капота, потом не спеша «привалял» сюда, и его

### ГЛАВА из РОМАНА

узкоголазое лицо вдруг засияло, словно покрытое свежим маслом.

– А! Наши герои! Вот они какие! Я ведь с утра предчувствовал, что встречу вас первым... Сон был такой...

И протянул шпионам узкую ладонь с короткими пальцами:

– Колька. Тудегешев. Механизатор широкого профиля. По совместительству водитель "Камаза". Правда, без прав... Думаю, что гаишники вернут, одумаются...

Видно было, что Колька находится «под градусом», но шпионов это не смутило: парень держался твёрдо и уверенно.

Поехали в Чулым. Сразу за ельником началась крутая гора, на которую "Камаз" полез с надрывным тягом. Мотор рокотал, изредка постанывая, как больной человек в бреду. После голого косогора пошел пихтач, колючие лапы которого теренькали по верху кабины.

– Наши места замечательные, – улыбался бесхитростно Колька.

Видно было, что он любит эти края, и ни за какие коврижки не бросил бы их, не побежал бы куда-то в Америку готовить тамошнему народу подлянку.

Так думал Бык. А Пантера просчитывал свои ходы наперёд: как они устроятся, как будут вживаться, как, наконец, переберутся в город...

Колька Тудегешев усмешливо распалил шпионов:

– Конечно, сейчас развал у нас. А когда его не было? Дед мой Терентий всегда говорил: раньше, при царе, мы неравно жили: мясо было, хлеба не было. При советской власти тоже неравно жили: хлеб был, мяса не было. А теперь всё равно стало: и мяса нет, и хлеба нет...

Колька заулыбался, будто слова его деда к нему лично не относились и у Кольки всё было равно: и хлеба, и мяса – ешь, сколько хочешь.

«Интересный народ – шорцы», – размышлял Селиверстов.

Дальше лес становился гуще и синей. В таких дебрях наши шпионы еще не бывали. Даже из джунглей выбирались, самое большое, за два-три дня – либо к реке, либо к крупному городу. А тут далеко не уедешь и, тем более, не убежишь. И куда бежать: к монголам, к китайцам или казахам?... Так они тебя и ждут...

"Камаз", как скоростной танк выдавливал грязную жижу из ям, похожих на воронки после разрыва снарядов.

– Сегодня дорога хорошая! – весело докладывал Колька. – Бурундука много видел, когда на станцию ехал... У меня график – зашибись! Утром до станции один раз и вечером ещё раз. Вечером провожаю всех...

– А народу много?

– Больше чем кузов, не бывает. Там у меня – и солома, и брезент... Такого удобства даже в Москве не найдёшь...

И Колька, поломав бровь, прошёлся карими зрачками по лицам прибывших гостей.

\* \* \*

Наконец, километров через пятнадцать открылся неохватный голубой простор.

В широкой речке растворилось небо, отчего она, изгибаясь и спасаясь от небесного всесилья, уходила в коричневое междугорье. Одним словом, красотища!

– Там у нас кедрач, а тут пихтач один, – размахивая рукой, удивлял гостей Колька. – А оттуда начинаются наши деляны. Интересно жить здесь! Ведь чего только нет: и колба тебе, и папоротник, и ягода всякая, да и грибы до самого снега. Шишка у нас – зашибись! А уж, если ружьё есть – совсем не пропадёшь... Выто сами к нам надолго? Или на экскурсию?

– Как пойдёт, – неопределенно ответил Селиверстов.

Въехали в населенный пункт. Он был странным: ни одной улицы, дома вразброс. Между ними грунтовые дороги. Среди подержанных построек высились крепкие дома, кое-где даже в два этажа.

Один ряд образовывали кособокие строения и прилегающие к ним огороды с самой разномудрой изгородью.

– Чулыма! – восхищённо пояснил Колька. – Дед Терентий тут тайменя, хариуса ловил. А я только сорожку...

Прямо у дороги стоял двухэтажный домик, около которого начинался дощатый забор, ухившийся к опушке ближайшего леса.

– Контора леспромхоза, – наставительно изрёк Колька. – Вы идите прямо к Сахарчуку. Он счас за главпула тут.

Потом постоял, подумал о чём-то, добавил:

– Моя баба рожать собралась, забегу к ней. Новости узнаю. Может, родился кто... Сына охота, а она на своём: девка, мол, будет... А куда я с девкой – время, ишь, не спокойное... А она: девка – и всё! Бабу не переспорить...

Шпионы пошли в контору.

У порога дремала собака с жёлтыми проплешинами вдоль хребта. Когда проходили мимо, она шелестнула ухом – то ли от нервного тика, то ли что-то приснилось... А, может, укусила муха. Сама собака, видать, была некусучей.

Поднялись на второй этаж. Везде стояла глухая тишь. Только из дальней комнаты в открытую дверь доносился доверительный разговор. Вернее, говорил один человек густым басом, причем в телефонную трубку.

– Так ты ты должен понимать наше состояние... У нас, говорю, не состояние, а нестояние, твою так... Ну, не казни меня, Гриша. Оборудование стоит, народ, считай, в забастовке. Стучит... Какими касками? Зубами стучит! Жрать нечего, твою так... А я – кто? У меня ни прав, ни даже печати... Короче, Гриша, досок я дать не могу. Нет, нет! Даже на гроб нету... Твою так...

«Председатель совета трудового коллектива» – прочитали шпионы на створке двери.

\* \* \*

За столом сидел еле видимый из-за полированной столешницы плюгавый мужичонка лет пятидесяти, а, может, и более. Большой длинный нос делал его похожим на цаплю. Усиливало впечатление два больших глаза, близко расположенные около переносья.

Повыше головы хозяина кабинета висел портрет президента. Сбоку от Ельцина вырезка из газеты «Энский труженик».

На вырезке шпионы узнали себя. «Герои Чулымского леспромхоза»...

Мужичонка вытаращил глаза – они еще больше сблизились друг с другом, почти стерев переносицу:

– Вот, твою так... Как к теще на именины! Давайте я вас расцелую.

Мужичонка поднялся со стула. Но ростом выше не стал.

– Мухоморный, – подумал про него Бык, но тут же мысленно поправил себя: – Замухрышный... Именно так!

Бык первым перехватил руку нового знакомого, которую он занес, чтобы обнять дорогих гостей... Целоваться с дороги не хотелось.

– Чтобы вы были в курсах, я обязан доложить про себя: Сахарчук Иван Полуэктович, мастер с пилорамы. Исполняю обязанности председателя совета трудового коллектива, – произнёс он с пафосом образцового активиста.

Для убедительности своих слов Сахарчук схватил гостей за рукава, вытащил их в коридор и показал на табличку, украшавшую входную дверь кабинета.

– Вот, твою так, год как на этом месте. А что оно мне? Народ от меня ждёт чего-то. Дак ждать нечего...

Сахарчук усадил гостей против себя и продолжил:

– Нечего ждать, говорю. Нас тут сто раз после приватизации продали и перепродали. Вишь, мы вроде АО теперь. На самоделке АУ, а никакое АО, бл... Ваучеры мужики пропили подчистую. Но сёлам у нас бритоголовые шастают, с мощной и водкой. Всецело спиртным народ стравляют, бл... Тут один чухнутый живёт. Все ваучеры под водку снёс – и свои, и

женщины. И сына свою. Так ещё не хватило... И отдать нечего. Он же чё додумался? Дедовы медальки да грамоты с войны после тещи остались. Отдал их, сучонок. А они – взяли... Сам видел! Сталиным подписано за сражение под Волгоградом. Во как живём, бл... Никого не ценим, ни во что не верим. Щас к нам из области нового начальника леспромхоза прислали. Прислать-то прислали. А он задницу от города не хочет отодрать. Два раза в неделю со мной по телефону обмолвится назначенец и... бл, твою так...

Потом ещё больше вылупил глаза и доверчиво добавил:

– Он там и про вас знает. По телевиденью показывали. Ноничь Чулымский леспромхоз, считайте, в зените славы. Вот только зарплату уже полгода не платят, твою так...

Видать, у Сахарчука было в запасе много ещё слов о своём леспромхозе.

Но он остановился совершенно на другом:

– Я, останите, сразу признал вас, герои. Ты – Петр Верёвкин, а ты – Василий Селиверстов, – ткнул он Пантеру в предпузье укороченным на пилораме пальцем.

Быку польстило, что его Сахарчук назвал первым. Значит, и посчитал за главного. Такое Бык воспринимал, как должное. Такое ему нравилось.

Сахарчук пошарил выпученными глазами по столу, не нашёл на нём ничего интересного и басовито изложил свои планы:

– Начальник, как я сказал, – в области. Бухгалтерши пока нет. Кадровичка в городе. Так что дня два-три придётся обождать. Жить вам, понятно, негде. Работой тоже не обеспечим. Прокантуетесь пока у меня. Вам будет сподручнее и мне со свежими людьми пообщаться не в обиду...

– Согласны, – ответил Селиверстов.

– Мда, – подтвердил Верёвкин и сапко втянул в себя полкуба незагаженного чулымского кислорода.

\* \* \*

Жена Ивана Полуэктовича оказалась женщиной весьма дородной – мужева голова была ей до ключицы. Она и выглядела моложе. Бедрастая, тугогрудая, с полными от здоровья руками – тянула лет на сорок. И килограммов на девяносто.

Шпионы сразу подумали о своём, но, словно, сговорившись, отбросили дурные мысли в сторону – вспомнили, как говорят среди простых людей в Америке: к другу со своими грехами лучше не входить...

– Стеша, – фансоню отрекомендовалась хозяйка. Но дала понять, что гостей уже знает и принимает их как родных и с радостью. – Вы – товарищ Верёвкин, а вы – Селиверстов.

У Быка в груди всё загнудило от таких слов. Да и товарищ Селивёрстов чуть не зажмурился от масляного упоминания своей фамилии. Он однозначно отметил, что был когда-то «мистером», «господином», «командором» и ещё много кем-то, чёрт подери, но «товарищем» его назвали впервые...

– Детишки – у бабки в Энске. А мы вот со старушкой вдвоём кукуем, – будто оправдывался Сахарчук. – Счас отобедаем – и хозяйство наше обсмотрим. То, что ещё не растащили.

Василию, по правде говоря, хозяйство леспромхоза было до лампочки. От лёгких переживаний, которые всегда связаны с неизвестностью, от быстрой смены декораций, а, главное, от ядрёного хвойного воздуха голова пошла вразнос, то есть по-русски – кругом.

– Ну-с, гнус... – пошутил Сахарчук. – Давайте-ка самогоночки за знакомство...

Всем, в том числе и Стеше, было налито по полстакана.

Стеша от налитого не отмахнулась. Приняла, как должное.

– Первачок с личного подворья, – выдавил из себя Сахарчук густым басом.

Шпионы русскую самогонку раньше не пили. Им доводилось перепробовать разные сорта спиртных напитков, что готовит для себя народ в мире, но о самогонке знали, как говорится, только со слов свидетелей.

Первым заглотив зелье хозяин дома. Показал пример. Крякнул прытко и голосисто, как разбуженный лев.

Ложкой черпанул из большой эмалированной миски, скорее смахивающей на таз, глыбу батуна, крупно-крупно нарезанного и тщательно удобренного сметаной.

Его примеру последовали остальные.

Бык сначала остолбенело всматривался в стол. Чем бы запить? Думал, что хватанул спирт. Но в какой-то миг наваждение прошло, и он тоже уложил себе в рот полную ложку зелёного лука со сметаной.

Пантера пил осторожно, но ни в чём не отставал от остальных.

Стеша выпила свою долю степенно, без охов и вздохов. Короче так, как оно и подобает настоящей сибирячке.

После второго стакана Бык понял, что самогонку пить можно. После третьего раза окончательно решил: пить надо!

Стеша принесли в тарелке гору куриных яиц.

– Знала б заране, окрошку б завела. А так – пообедаем на скорую руку, чтоб до вечера дотянуть...

Рука Стеши была скорая на самом деле. Тряхнув тугими бедрами, она отворила в полу крышку и скользнула в подполье. Стоя на лесенке, озорно крикнула мужу:

– Прими-ка, Ванюшка, криночку со сливком!..

Потом поднялась, отряхивая с себя невидимую пыль:

– Сливок в сметану не ушёл ещё – пейте на здоровье, пока свежий. Это вам не тетрапак городской...

Шпионы приняли по стакану сливок. За милую душу.

– А теперь, братцы, проскочим по нашей усадьбе, – лицо Сахарчука от выпитого покраснелось, а глаза ещё больше насели на нос.

– По усадьбе, так по усадьбе, – согласился Пантера.

– Угу, – поддержал его Бык.

\* \* \*

Шпионы послушно обошли базовое хозяйство леспромхоза. Они слушали сгущённый голос Сахарчука. О бедах и задачах предприятия.

А Пантера думал на русский лад быстро и веско: «Надо отсюда рвать лыжи»...

Такие слова он вписал когда-то в свою заветную книжечку. И вот они пришлось кстати.

Бык в детали не лез совсем. От выпитого у него в голове роился радостный шумок, и он тешил себя ожиданием вечера. Самогонка легла ему в душу. Воспоминанья в его голове были слабые. Америка находилась по ту сторону света и океана. Бык понимал: надо приспособливаться к другим местам. Конечно, лучше всего было бы положиться на удачу да на изощренный ум Пантеры. Но и он сам не какой-то воспаленный аппендикс. Нет!..

– Ты чего бурчишь? – повернулся к Быку Пантера.

– Да нет!

Пантера искренне был рад такому ответу: «Да нет!». Ни в каком другом языке не соединены так слова согласия и отрицания... Значит, Бык уже не только говорит, но и думает, как настоящий русский...

Подошли к опушке хвойного леса. Пантеру брал искуc – ему нестерпимо хотелось нырнуть в него, как жаждущему в реку.

Но у первой пылты его охладил Сахарчук:

– Сильно не лезь под лапник. Клеща нахватаешь!

– Какого клеща? – встрял с некоторым испугом Бык.

– Какого, какого... Энцефалитного, – разъяснил Сахарчук.

Пантера припомнил, как на занятиях по географии края эмигрант из Сибири Полухин рассказывал об этих клещах. Но тогда была абстрактная теория, а тут голимая практика.

Пантере навернулись на ум слова немца Гёте Иоганна Вольфганга:

*«Суха, мой друг, теория везде,*

*А древо жизни пышно зеленеет»...*



Вот оно зелёное дерево, полное энцефалитных насекомых... Пантера инстинктивно сделал шаг назад.

– Ты, Вася, молодец! Пужлив в меру. Другие дёру дают отсюда. К лесу на сотню метров не подходят... А вот знаете, ребяташки, шорцев клещ не берёт. Они тут веками живут. Сжились друг с дружкой. Шорец, бывает, пойдёт в тайгу за колбой или папоротником. Возвращается весь в клещах. Где за ухом тот впился, где подмышкой. Есть у клеща любимые места... Дома баба его или бабка поведёрживает паразитов. И всё! Я как-то соседу своему стаканок самодельной дал – мол, помажь тело после укуса. А он его в утробу к себе – и ха-ха... Народ к месту привыкший... От тайги далеко не уходит...

Шпионы брели за Сахарчуком усталые и осоловелые. А Сахарчук, нащупал предмет своей философии. Шагал по-хозяйски и рыком цедил речь:

– Шорцу в городе трудно. Всё одно, что еврею в тундре. Все мы – кулики у своего болота...

И неожиданно закончил. Как будто намекнул шпионам:

– Какого хрена вам-то здесь надо? Вы-то зачем к нам пожаловали?

\* \* \*

В доме Сахарчука шпионам отвели целую комнату, где в остальное время проживало потомство Ивана Полуэктовича и Стеши.

К вечеру хозяин наполнил баньку, стоявшую одал в огороде, в ископанных шагах от Чулымы. Вниз до воды вели ступени, вырытые в земляном обрыве.

– Вам, гости, первый заход. А я со старушкой потом попарюсь.

Хозяин снарядил гостей двумя вениками, трёхлитровой банкой кваса и поллитровкой, наполненной по самое горлышко самогонном.

– Ну, закусончик будет потом, а пока солёных груздочков, – понапутствовал железным рыком Сахарчук.

– Так вот она какая русская баня! – враз признались себе шпионы. – Чего тут стесняться?..

Шпионы вмиг посбрасывали с себя одежду. Сунулись в самое пекло. Там на шести квадратах слева размещалась металлическая печь со встроенным баком для горячей воды, впереди у стенки простёрся полоч из светлого дерева, перед ним жёстко заделанная скамья, а справа – другая, под бак с холодной водой. Тут же черпак, два таза, на простенке – мочалки, а на широком подокознике всякое мыло.

Пантера, осторожно смешал кипяток с холодной водой из Чулымы, стал натирать себя куском розового мыла. Запахло клубникой.

Бык с лёгким кряком улегся на полоч.

Пантера из черпака осторожно облил своё смуглое, как у мексиканца, тело.

– Ну, я почти готов, – сказал он Быку. – Помнишь, как мы умывались в Лондоне?

Бык фыркнул, потом добродушно засопел, держа кулак около зубов:

– Да-а, англичане – прижимистая, изживающая себя нация. В раковину, помню, налил литров пять и пришлось мне этой мутью умываться и мыть шею. Больше по въездному талону воды не полагалось...

Раздался упреждающий кашель – мол, иду твои. И дверь бани распахнул Сахарчук.

Нос его был по-прежнему длинным, зато глаза заметно разошлись и немного попрятались в орбиты.

– Ну, бл... мужики, это не дело. Вошкайтесь, как у Прасковьи на похоронах...

Шпионы с удивлением посмотрели на своего благодетеля, неожиданно влетевшего и наרוшившего их несказанный уют.

– А, ну, сдай туда! – Ткнул Сахарчук Пантеру повыше пупа. – А ты ноги убери, твою так! – Это уже Быку.

Сахарчук черпанул плоской холодной воды и смаху отправил её в отверстие, что находилось в середине железной печки. С шумом вздымающегося самолёта оттуда рванула струя пара.

Шпионы онемели. Пантера присел, закрыв лицо руками. Бык тоже защемил свой нос розовыми ручищами.

Сахарчук сунул веник в таз с тёплой водой и огрел им спину скрючившегося Быка.

Шпион номер два ёрзал задом по горячим липовым доскам, кряхтел, сапко мычал, но не огрызался.

– А, ну, поворачивайся на спину, да прикрой свою мотню. Ненароком лишу детородства!

Бык почувствовал в себе нового человека. Представил, что он и есть настоящий русский парень по фамилии Верёвкин. От этого парной жар в помещенье не убавился, но прилилась дикая сила и способность владеть собой в невыносимом пекле. Ведь вон Сахарчуку хоть бы хны! А он из такого же теста...

Верёвкин, поскрипывая зубами, уложил себя на лопатки, прикрыл пригоршней своё выдающееся хозяйство.

– А давай! – сдавленным голосом приказал Пётр.

– А даю! – выдохнул коротко Сахарчук, и с размашистым хлестом стал огуливать веником тело, не знаящее в жизни такого напора.

Верёвкин с закрытыми глазами мотал головой, взвизгивал по-щенячьи, потом без всякой команды развернулся и прилип к охладельным доскам животом. Одна рука его безвольно свисла с полка, как крыло раненой птицы.

Сахарчук не унимался. Он ещё раз плеснул из плошки в жерло каменки, откуда тут же рванулось белое облако обжигающего пара.

– Ничё, голубец! Мы тебя научим Родину любить...

Сахарчук протёр тыльной стороной руки глаза, у которых, казалось, не было век, и пошёл снова оббивать веник о громоздкое верёвьино тело. Он выделял веником самые замысловатые движения. То хлестал им прямо сверху вниз. То так же перпендикулярно, но с оттягом – так хороший пастух бьёт своим кнутом, и на конце его хлыстко стреляет, извиваясь, тонкая сыромятная жилка. То останавливался и осторожно прикладывал листовяную мякоть к телу Верёвкина, будто накладывал на него согревающие компрессы. Потом окунал конец веника в кипяток, водил им вдоль тела от шеи до пяток, при этом стряхивая жгучие капли и орошая ими размягшую тушу.

– Всё, голубец. Отрывайся! Давай-ка шпарь за мной. А ты, – это уже Пантере, – на поллок! На поллок, говорю! Рысью!

Два голозадых мужика – один махонький с длинным носом, второй в виде розовой двуногой глыбины – спустились по земляным ступенькам к урезу воды.

– Ну?! Чего стоим? Петя, я ж не на водопоп привёл тебя, твою так... Лезь в реку.

\* \* \*

Верёвкин подошёл к самой воде, нагнулся, хотел коснуться её рукой, но Сахарчук опередил его. Он голый ступнёй врзал в розовый зад Веревкина и тот оказался по горло в реке.

Сахарчук никогда в жизни не слышал такого набора и силы звуков. Человек в воде фырчал, откашливался, плевался, махал руками непонятно зачем (здесь и при желании не утонешь) и что-то выкрикивал.

«Ну, бл... – подумал о себе Иван Полуэктович. – С головой у меня, что ли, не в порядке?»...

Ему показалось, что Верёвкин несколько слов произнёс по-иностранным – скорее всего, по-английски. Сахарчук положил ладонь себе на лоб. Да, сказался, видать, перегрев...

Но тут же позабыл о своей болезни. Он увидел, как теченьице в ближнем омутке кружило распростёртое в виде креста тело Веревкина.

– Ты живой, Петя? – с испугом прокричал Сахарчук.

Тело ответило не сразу, но всё-таки отозвалось:

– Я в раю, Иван Полуэктович.

Сахарчук снова вспомнил о своей болезни и улыбнулся – такую сразу надо выбивать только самогонкой...

– Давай вылазь, а то простудишься! Ещё один заход сделаем и в баньку...

– В какую ещё баньку? – испуганно выказал свои колючие глазки Верёвкин.

– А это у нас присказка такая сибирская...

Затем Сахарчук проделал ту же экзекуцию с Васей Селивертовым, и тоже загнал его в ледяную воду Чулымы. Сам хозяин на этот раз стоял на краю обрыва и командовал.

Василий несколько раз нырнул в омуток и, цепляясь за низенькие перильца, выскочил наверх. Сахарчук стоял строгий и неприступный в том виде, как родила его мать, и только сейчас Селиверстов узрел, за какой интерес любит своего мужа Шеста.

На другой стороне Чулымы у берега оставилась подвода. Две чужих путницы поглядывали в сторону сахарчуковой бани.

– Женщины там... На нас смотрят. Наверное, нельзя так, – выказал сомнение Василий.

Сахарчук махнул рукой и вяло пошёл вслед за гостем.

– Пусть смотрят. Не облезнут. Надо – и на них хватит, Вася. Целый букет задуванчиков...

В это время Верёвкин неистово хлобыстал себя веником, с которого уже пооблетела добрая половина зелёных листьев. Пахло смородиной, хвоей. Вода в тазу почернела от черёмухового настоя. Но Бык был упрям и не сдавался.

– Ладно, мужики. Не всё сразу... Давайте по рюмахе – и в дом.

Сахарчук налил в стаканы всем поровну. Звякнуло гранёное стекло.

– Баньку на квасном парку я вам в другой раз устрою. А сейчас пускай тело помлеет... Марш в дом!

\* \* \*

Вышагивая по огороду впереди шпионов, Сахарчук повёл их к кроватям...

Потом Иван Полуэктович попарил в бане Шесту, а майский день всё не кончался. Раскрасневшаяся от парного жара Шеста суетилась около накрытого клеёной стола.

Комната эта у Сахарчуков звалась горницей. «Не забыть бы», – подумал Бык. «Не забуду», – тоже подумал Пантера про «горницу».

В горнице стоял диван, обтянутый коричневым материалом, смахивающим на кожу. Высилась добротная деревянная стенка. Шпионы никогда бы не догадались, что эту стенку румынского производства по большому благу через знакомых Иван Полуэктович достал в энском «Горпромторге» двенадцать лет назад. В нишу стенки был установлен телевизор хорошей марки «Самсунг». Всё это шпионы уже успели рассмотреть и сделали вывод, что в Европе, да и в той же Америке, многие люди такого достатка не имеют.

Смутила шпионов большая старая рама со стеклом. Она висела на простенке между окнами, и в ней в виде художественного монтажа красовались фотокарточки всяких размеров, причём разных людей и разных лет. Такого симбиоза шпионам ещё не приходилось видеть.

Пантера, не отягощенный после бани самоанализом, лёжа на отведенной ему кровати, спросил Стешу через распахнутый проём двери:

– На стене чьи фотографии у вас?

– От бабушки нашей досталось. Это вроде альбома у неё было. Тут мои деды, бабки, дядя, тётки, братья, сёстры, племянники всякие. Есть и такие, которых я и вовек не видела, соседи и чужой народ.

Стеша, упершись ладошкой в то место, где должна быть талия, и глядя васильковыми глазами в сторону гостей, продолжила:

– Тут вот мой дядя Егор поставлен рядом со сватом Ефимом Савельичем, это уж со стороны Сахарчуков. У них когда-то разлад случился. До самой смерти не разговаривали меж собой. А у нас они, соколики, рядышком... Ну, а в самом низу я с братьями. Меня и не признавать. Никудышняя такая... А братовья – молодцы. Что раньше, что сейчас. Они у меня люди державные, справедливые. Один постарше – Николай, он у нас участковый. Ой, да чё там – сегодня на мотоцикле прикатит сам. С Иваном их водой не разольёшь...

Бык лежал на своей постельке и представлял, сколько ж надо лить воды и с какой силой, чтобы разлить Сахарчука и стешиного брата...

– Ну, а тот, что слева от меня – Федюня. Он на три года моложе меня. Родился ровно в год, как при Хрущеве деньги меняли...

Стеша помолчала. И закончила с грустью:

– Давно весточки от Федюни нет. Он же у нас всё по дальним плаваниям... Ну, ничего! Краюхины нигде не пропадут...

Верёвкина охватил необъяснимый страх, закончившийся оцепенением.

Первая, доступная его пониманию мысль была: «Куда я попал?».

Но Верёвкин был не новичком в шпионском деле и вскорости взял себя в руки.

– В каких морях-океанах плавает теперь Федор? – со скрытой судорожкой спросил Бык.

– Последний раз сообщал Николаю, что направляется в Италию.

Бык почесал кулаком упаренную в бане переносицу и мысленно заключил: «Без сомнения, в лапах этих итальянских гестаповцев Стешин брат Федор!».

\* \* \*

Когда солнце на прощанье озарило пикобразные верхушки пихтача, урывисто пробурчал и остановился у ворот мотоцикл. Через минуту-вторую в дом вошёл широкоплечий капитан в милицейской форме.

Он расцеловал Стешу в розовую щеку, мимоходом хлопнул Ивана Полуэктовича по плечу:

– Привет, зятьёк!

И подал пятерню гостям. Сначала Веревкину, заметив: «Настоящий Муромец!», потом – Селиверстову.

– Краюхин, Николай Евлампьевич. Местный Анискин...

После обрывочных разговоров гости и хозяева уселись за стол.

Бык усиленно сопел. Во-первых, всё окончательно срослось: Фёдор Краюхин тоже Евлампьевич. Во-вторых, участковый милиционер поздоровался с Верёвкиным первым. Значит, считает его за главного. А это Быку само собой лестило...

Шпионы в ответ назвали себя уже известными читателю вымышленными именами.

Сахарчук разлил самогонку по стаканам. Краюхин скривился, но ничего не сказал, только заметил:

– Выходит, ночевать придётся у вас. Спать буду, как всегда, в бане.

– Чудной у меня братец, – пояснила Стеша, обращаясь к Василию и Петру. – Любит перед сном сполоснуться. И заваливается на лежачок в предбаннике.

Николаю стало неловко, словно его выставили нагишом. Он прикоснулся к сестринскому локтю:

– Ну, не конфуз перед народом доблестную милицию.

– Чё, её конфузить? – запротестовал Сахарчук. – Она сама, где надо, сконфузилась... А ты, шуряк, бл... Анискин, сидишь в своей дыре и доволен всем. Уехал бы обратно в Энск – в полковниках бы там ходил...

– Ну, ладно. Давай ещё по одной...

В наружную дверь постучали.

– Открыто! – крикнула за порог Стеша. – Заходи, дядя Ким!

Шпионы переглянулись, как по команде. В горницу вошёл ещё один носач.

Пришедшего бог, по всему, не обидел. Как говорится, нос на семерых рос, а одному достался. Правда, у этого нос был другой – выточенный по лекалу.

– Скучно мне с моей Эльзой сидеть. Прольщал, что свежие люди к нам пожаловали...

– Герои! – указательно поднял палец вверх Николай. – Самолично узнал из прессы.

– Мы тоже тут от радости не отходим! – приобшился к разговору дядя Ким.

Он был в серой от работы футболке с голубой надписью «ЛДПР». Жилистый, но не сухопарый. Невысокий, но заметно выше Сахарчука. Почти всё видимое тело дяди Кима заполнили наколки.

Вопросительный взгляд шпионов перехватил хозяин дома. Он обнял дядю Кима и львиным рыком доложил:

– Лучший в мире сосед по фамилии Гукасян. Добрейшей души человек и любящий муж. Русский человек армянского происхождения. Всю сознательную и бессознательную жизнь прожил в Сибири. Начал, правда, с ведомства Николая, о чём говорят его шикарные «мушки», то есть отметины на спине и груди...

– Давай я сам расскажу, – перебил Сахарчука дядя Ким.

– Когда ещё жива была бабушка ихняя, Пелагея Никодимовна, она одного меня и любила. У меня на спине от затылка до зада каменный крест выколот... Так бабушка всегда меня в пример этим охломонам ставила: «Все богоотступники, один Кимушка живёт с самим Богом», – царствие ей небесное...

– Ладно, ты, Фрунзик Мкртчян, – давай за встречу! – Николай хлебосольным жестом перенаправил компанию в нужное русло.

С хрумом ели жареную картошку прошлого года – сладковатую от мороза, проникшего к весне в погреб. Закусывали хрусткой огородной зеленью, густо замешанной на сметане.

Стеша выставила тарелку с жареным папоротником, напоминающим грибной аромат.

– Япошки-то, к нам с долларами лезут за этой штукой, – гаркнул Сахарчук, как будто находился среди слабослышащих. – У нас такого добра до Москвы раком не переставишь...

– Болтать-то не к чему, – шутивно ударила мужа Стеша большой деревянной ложкой по лысому месту.

– Тыфу ты! – всполошился дядя Ким. – Эльза ж гостинец послала...

Он полез за оставленным у порога полиэтиленовым пакетом и достал из него газетный свёрток.

– Твою так... Ты чего ж сидишь и молчишь? – напал Сахарчук на дядю Кима.

\* \* \*

Стеша освобождала из газеты и выкладывала в свободную посудину карасей, снятых недавно со сковородки. Лепехи размером больше, чем в ладонь, были еще теплые и отдавали свежей озерной тиной.

«Да! – думал Селивёрстов, выбирая косточки из душистого карася, – Есть же такая замечательная профессия – разведчик. Только он один может по-настоящему познать жизнь».

Ели, пили, закусывали, снова наливали, опять заедали самогонку каждый по своему вкусу.

За окном сгустились тёплые сумерки.

– Покурим, – предложил Николай.

Мужики, за исключением Верёвкина, встали, направились на крыльцо. Курящим там оказался только один дядя Ким. Он дымил «Примой». Николай с Селивёрстовым пошли к ограде облегчиться...

Оставшийся в горнице Верёвкин поглаживал объёмистый живот, при этом томно прикрывал веки, словно свернувшийся в истоме кот.

– Брат младший бывал в ваших краях? – просто так задал вопрос хозяйке.

– Раза два... Когда к родителям в Энск заглядывал. У нас что ему делать?... Раньше, Петя, здесь сплошь лагеря были. Сиблаг, значит... А в отдельных местах поселения – лагпункты назывались. База эковская была, а вокруг лесоповалы. Уж после стали вместо них совхозы да промхозы насаждать. Был раньше начальником лагеря – стал директором леспромхоза. Был начальником режима – стал в совхозе парторгом... Эков, что покруче, с Чулымы на Колыму отправили. Остальных распустили... Помнишь кино «Холодное лето пятьдесят третьего»? Это, считай, про наши края. В общем, часть уехала домой – кто же откажется от Москвы или от Сочи? Часть в Энск перебралась – город большой, всякие дела можно vorочать. А кое-кого уже никто не ждал, а если ждал, то только – отомстить... Так вот: часть народу с тех пор здесь и живёт. Кто что умел, тот то и делал – кто лес валил, кто лес возил... Старик уж они все, пенсионеры. А некоторые померли... Дядю Кима, к примеру, возьми. Помалолетству два раза попадал в зону. А потом завязал. Два раза женился. Эльза у него – вторая жена. Немка. Он в ней души не чаёт... А жизнь так и не удалась. Сын от первой жены Роман в начале девяностого кооператив организовал с друзьями. Да не поделили что-то. Его в ресторане «Таёжном» у всех на глазах дружок убил... Второй сын был Женька, уже совместный с Эльзой. Тоже хороший парень, армию отслужил на Дальнем Востоке. А вот год как похоронили. Тот-то, романов убивец, из тюрьги вышел и, видно, отомстил. Женьку в подъезде порезали... Всё! Никаких улик, никаких доказательств... Николай оттого и не едет в Энск. Там у милиции и у бандитов всё в одно схвачено... Долго эту петлю не развязать.

Стеша замолчала. Дала понять, что больше она об этом говорить не желает. И о брате больше не проронила ни слова.

Верёвкин вышел на свежий воздух. Вокруг в лесных зарослях тренькали какие-то птицы.



– Как называются? – спросил Веревкин Сахарчука.

– Соловьи это, Петя! Привыкай, брат, к нашей фауне. Да и к флоре, – добавил Сахарчук зычно, но не сердито.

Потом посидели за столом ещё, выпили просто так, выпили на посошок – решили проводить дядю Кима до его калитки. Снова гурьбой вышли во двор.

Ясное небо дырявилось множеством звёзд. Они не только мерцали, но даже медленно приближались к Земле. Переполосовав небо с одного края до другого, наискосок прокатились два спутника.

– Наши! – особо торжественно указал пальцем в небо Николай.

– Да, наши, – подтвердил слова Краюхина Пантера.

Дышалось легко, будто не хвойный лес, а безоблачное небо окропляло озоном округу.

Довели дядю Кима до дощатой калитки его двора. На прощанье крепко обняли старика. И направились домой спать.

\* \* \*

Селивёрстов по обыкновению проснулся рано и был удивлен: Стеша из лейки уже поливала невысокие грядки, а Иван Полуэктович перетаскивал берёзовые чурбаки с улицы внутрь двора.

Заметив Селивёрстова, Сахарчук первым делом отложил чурку в сторону:

– Доброго утраца!

– Здравствуйте! – поприветствовал хозяев гость и пригладил урезанные накануне усики.

– Выспались, полуночники? – заулыбалась Стеша. – Вон Коля ещё храпака задаёт – отсюда слышать.

Селивёрстов на самом деле услышал из распахнутой двери предбанника раскатистый всхрап человека с неплохим здоровьем.

Василий решил пробежать по утреннему Чулыму – не каждый день выпадает возможность позволить себе тренировочный бег. Зарядно не плохо бы и в натуре ознакомиться с расположением населённого пункта.

Рванул он сначала в то место, где, по его предположению, должна находиться старая часть поселка, положившая начало остальному Чулыму.

Бежал Василий легко. Вчерашняя баня выгнала у него почти всю дрянь, которую он накопил в себе на мировых просторах. Вспомнил русскую поговорку: «Нахватался, как собака блох»...

За излучкой река пошла прямо на север. На берегу расположились разные постройки, образующие подобие нескольких рядов улиц.

Редкие люди глядели на бегуна с любопытством. Если человек бегают, значит, ему плохо.

Вдруг он услышал своё имя.

Подумал – ослышался...

Но вновь радостное:

Васька! Селивёрстов, стой!

Шпион повернул голову направо и увидел: из уходящего в ложину переулочка поднимается Колька Тудегешев. Без рубахи, в обвислых спортивных штанах, босиком.

Селивёрстов остановился. И вовремя.

Колька Тудегешев камнем упал ему на руки.

Он что-то бормотал, тряс нечёсаной головой и, вдруг с силой оторвавшись от Селивёрстова, закричал так, что его голос покатился по глади Чулымы:

– Баба мне сына родила! Добился я, Васька, своего! Теперь долго буду гулять. Мне никакая инспекция не указ!

Было видно, что Колька от радости хлестал водку всю ночь. И теперь просто не знал, кому и как выказать свою радость.

– Поздравляю, Коля! – только и проговорил Василий.

Колька мутными глазами огляделся и вроде как никого не увидел перед собой. Наконец, снова вспомнил причину своей радости и побежал вдоль главной улицы.

А над Чулымой перекатывался его голос:

– Я его Васькой назову, мужики! Васькой Селивёрстовым!

\* \* \*

Завтракали молча. Поскрипывал стул под Петром Верёвкиным.

Изредка Стеша вопрошала:

– Ну, чево не едите?

– Мы сегодня все при исполнении, – за всех ответил Николай.

– Да ты, Коля, при исполнении все двадцать четыре часа, – заметила Стеша.

– Се ля ви, – отшутился брательник.

– Смотри-ка, – подумал Верёвкин, – знает французский... Вот тебе и деревня!

После завтрака Краюхин-мент уехал на станцию поддерживать правопорядок, а Сахарчук пошёл в контору леспромхоза, чтоб поддерживать связь с миром.

– К обеду подходите, – трубным голосом архангела наказал он своим гостям. – Там потолкуем... А пока сходите на Чулыму. Удочки мои можете взять...

Шпионы оказались не у дел. Слоняться по чужой квартире было не с руки. Решили сходить на речку. Там, вдали от постороннего уха и глаза, можно было вести секретные разговоры.

Однако их попытки отчалить на Чулыму пресекла Стеша.

Она, положив розовые пальчики на бёдра и играя васильковым взглядом, предложила:

– У нас около бани три сотки земли недокопанной. Так вы, ребята, скovyряйте её до ухода, пожалуйста!

За этими словами она выставила из сеника две штыковые лопаты. Металл на них блестел, как отполированный. Увидев удивление на лицах гостей, Стеша пояснила, что это нержавейка, и такую лопату за сто рублей вам в Энке принесёт любой трудящийся с металлургического завода...

Земля, определённая под копку, была твёрдой и тощей – не то целина, не то давняя залежь. Слой дёрна не достигал пяти сантиметров, дальше шла охряная глина с частым включением галечника.

– Ничё! – определила Стеша. – Иван в это место опосля навозу нашурует. Землица и родить зачнёт.

Парни из иностранной разведки работали на совесть: сноровисто и в охотку – будто по заданию самого большого своего начальства.

Пантера лопату держал фасонно, свою дольку проходил ровными рядками. Каждый копок откидывал недалеко, аккуратно дробил его на мелкие кусочки.

Бык работал лопатой, как заступом. Выхватывал, сопя, пласты поширше, потом гнул черен инструмента так, что тот натужно поставивал у шейки лопаты – готовый в любой момент обломиться в самом слабом месте деревяшки. Бросал Бык огромные кусмении земли высоко, они падали и рассыпались. А то, что казалось Быку крупняком, он добивал острой боковиной нержавейки – так радивые хозяйки сечкой рубят капусту под засол...

За два часа шпионы с поручением Стеши справились на «отлично». Она напоила их прохладным молоком из погреба и отправила обоих на мужнино производство.

\* \* \*

– А я уже с областью переговорил, – доложил Сахарчук. – Как про ваш приезд упомянул, Изуверов аж ногами засучил. Приеду, говорит, сам. Обещал завтра прибыть. Вот, мол, и все поперерешаем... Сдаётся мне: он «революции» испугался. Такие молодцы заявили – многое тут могут попотрошить... Он про вас из газет и из телевиденья, видать, знает.

– Завтра, так завтра, – согласился Селивёрстов.

– Ну, конечно, – недовольно разрубил воздух Сахарчук. – Бабе сверху всегда виднее... Хотя надо с вами посоветоваться сейчас. Вы, я понял, ребята знающие, бывалые, честные. Вот у меня к вам будет несколько каверзных вопросов...

Сахарчук налил из графина воды и опрокинул в рот одним махом.

– Горит со вчерашнего, – признался он.

Читатель может догадаться, что шпионы после утренней копки да после кринки свежего молока чувствовали себя на должной высоте. Конечно, так. По крайней мере, лучше председателя СТК.

– Ведь что получается... – выставил нос Сахарчук. – Группа каких-то лиц и организацией скупила почти все наши ваучеры. Потом у нас организуется акционерное общество открытого типа. Люди за ваучеры должны получить акции. А ваучеров-то почти уже нет... Тут опять приходят те же люди, что скупили ваучеры, и предлагают за махонькую мзду выкупить имеющиеся акции. В результате почти все акции оказываются где? На стороне! Я имею несколько штук своих, у Стеши – у жены – три штучки... Короче, у наших осталось не больше десяти процентов в общем чохе...

Сахарчук прервал своё сообщение. Больно горячо тревожила его поднятая им тема.

Со стороны это выглядело далёким и ничёмным. Вроде детской забавы.

Но в Сахарчуке всё сотрясилось от внутреннего напора и возмущения. Покрасневшие глаза снова смотрели навывкат. А соображение не давало покоя махонькому телу.

Шпионам такой оборот сильно не нравился...

– После этого собираются, значит, акционеры. Идёт собрание... Приехали какие-то мужики, одна баба. То есть их девяносто процентов. Я да Юрка Загулин – у нас десять процентов. Ну, и кто и что, скажите, порешал?.. Выбрали правление, председателя. Назначили директором упомянутого мной Изуверова. Вот таким макаром я оказался временным заместником. При этом трудовой коллектив – это пшик, ничто, и совет этого коллектива практически вне закона. Ну, а я, само по себе – только как порождение перестроечных времён. Моё место – оно у пилорамы, а пока я здесь. Леспромхоз на грани банкротства. Эти ребята из области к тому и ведут. Через банкротство они всё наше добро заберут за бесценок... И как тут быть?

– Банкротства не избежать? – на всякий случай спросил Пантера.

Он понимал чрезвычайную ущербность всего этого дела. Пантеру хорошо подготовили по части экономического положения внутри России. На маленьком примере леспромхоза он увидел клыки бандитского, мафиозного капитализма, который больше сотни лет назад пережила его любимая родина.

– Избежать банкротства? Ты што? – нос Сахарчука вплотную приблизился к лицу Селивёрстова. – Исключено! Мы должны железной дороге, угольщикам, нефтебазе. Долги по зарплате, по налогам. Короче, ни верть, ни круть, а живи как-нибудь! Понял?.. У нас

дней спялennyй гниёт на делянах. Вывезти не можем больше года. Солярки нет, трелёвщикам заплатить нечем. Из последней цистерны Кольку Тудегешева обеспечиваем, чтоб народ возил со станции. Ведь докатились: люди пешком стали ходить... Одну бабу косолапый чуть не загрыз. А деваху из Энска прямо у Чулыма насильничали...

– А как дальше жить? – врезался в разговор Верёвкин.

– Вот и я спрашиваю: как? – признался Сахарчук.

Пантера поправил свои усики, как у молодого гусара:

– Обанкротят вас. Тут же скупают по дешёвке вместе с делянами и напилённым лесом. Вложат наворованные деньги в виде инвестиций. Наймут, кто понравится. И заработает леспромхоз снова. Как миленький.

– Но это ж форменное грабительство! – зарорал, потрясая тшедушным телом Сахарчук.

Пантера (точнее – Селивёрстов) попижнил своей мексиканской выходкой и изрёк:

– Каждый народ имеет собственное грабительство! Или я что-то путаю?..

\* \* \*

Областное начальство приехало на другой день к обеду. Прибыл действующий начальник леспромхоза Изуверов и ещё, кроме водителя, двое сопровождающих мужчин. Один, похоже, ровесник шпионам, другой был немного постарше.

Надо было снять напряжённость, которая возникла при знакомстве во время встречи. С одной стороны, Селивёрстов и Верёвкин были для Изуверова – никто. В лучшем случае – потенциальная наёмная рабсила. С другой стороны, они в пределах края прославили, можно сказать, вознесли Чулымский леспромхоз, и о нём, наверняка, теперь есть определённое мнение даже у самого губернатора.

Пантера мельком взглянул в лицо предполагаемого ровесника из свиты Изуверова и с распостёртыми руками бросился к парню:

– Как приятно встретить знакомого человека!

Надо полагать, что «знакомый человек» уже успел доложить своему шефу, что в объявившемся внезапно здесь, в лесхозе, усатом «автомеханике» живёт прирождённый киллер, и с ним надо держать ухо востро. Но это ещё не всё. Телесная глыба в виде Петра Верёвкина, претендующего на роль машиниста-тракториста, это тоже какая-то необъяснимая личность, способная вызвать беспокойство у любого предпринимателя, коммерсанта и бизнесмена. А если сложить вместе эти две субстанции воедино, то будет бомба похлеще знаменитого коктейля Молотова...

Всё это, конечно, были только размышления американского шпиона Кларка Лейсли, действовавшего сейчас под маской Василия Петровича Селивёрстова.

– Как это приятно встретить знакомого человека! – распостёр руки Василий, а сам подумал: «Подкладывает же свинью жизнь...».

Тот, что приехал с Изуверовым на чёрном «Ленд крузере», поперхнулся, но произнёс вполне внятно: «Какие лица!».

Больше за время встречи он не произнёс ни одного слова. Однако сказанные два слова успокоили Изуверова, который ещё минуту назад предполагал, что из-за угла выступит отряд бойцов и хозяин производства будет, как минимум, взят в заложники. Ситуация разрядилась. Изуверов почувствовал себя, наконец, хозяином положения.

– Ну, что? Пойдём в контору, – сказал он рыхлым, измявшим голосом.

Все потянулись гуськом на второй этаж. Последним шёл прибывший с Изуверовым пожилой клыкастый мужчина с лицом цвета оцинковки. Он по-цыплячьи перебирал отёкшие в машине ноги. Это был личный адвокат Изуверова. Потом он о себе доложил напыжисто: Яблонский, Альберт. Из дальнейшего разговора все узнали, что он к тому же просто Пахомыч.

Изуверов сел по-барски там, где ему захотелось. Начал сдалека. Говорил недолго. О том, что его стратегическая цель – спасти леспромхоз. Завтра, мол, будет работа, будет и зарплата. Работа найдётся всем. Лес нужен везде. Селивёрстов и Верёвкин зачисляются в штат леспромхоза.

– Платил бы вам с удовольствием, но, к сожалению, не могу... Нечем! И не из чего. Вы люди грамотные – специалисты. Терять вас не хочу.

Голова Изуверова, насаженная, как у кобры, повернулась к «специалистам». Он желал поскорее узнать, какие у них козыри:

– Ваши мнения, ребята?

Пантера вкратце сообщил:

– Нас бы надо принять на работу и направить в командировку в Энска... На специализацию. Мы место найдём сами. Голова, руки есть... А как положение выправится, мы мигом – сюда...

– Во-во! – подхватил Сахарчук. – Пусть они в городе временно покантуются. Там есть где корм достать... Город всё ж... Ну, а, как наладится дело, тут мы заново и встретимся.

Изуверов будто ожидал от председателя СТК такого компромиссного подтверждения.

– Ну, как, Пахомыч? – строго посмотрел он на Яблонского.

– Закон не нарушен, – вразрыв произнёс каждое слово адвокат.

И на его хрячеватом носу выступили капельки пота.

– Тогда пиши! – приказал Изуверов Яблонскому. – Где ваши трудовые? – Это уже к Селивёрстову и Верёвкину.

– А как же без военкомата? – засомневался Пахомыч.

– Ты чё? – зыркнул опять Изуверов. – Этот вопрос, как пять пальцев обойти...

Он достал из коричневого дипломата печать и передал Яблонскому:

– Ставь и расписывайся! Номер приказа будет – один. Дома сочинишь его. Пиши: приняты, направлены... Ну, не тебя учить...

Изуверов положил печать в дипломат, нащупал в карманчике пару визиток, подал одну Селивёрстову, другую – Верёвкину.

– Ну, что? Скажу, что я встречей доволен. А ты, Сахарчук, пока будешь моим топ-менеджером!

– Какой из меня поп, да ещё и менеджер? Я же представитель народа...

– Ну, уж испужался... Мне достаточно, что ты про дела хорошо докладываешь. Я правду люблю...

Все учтиво промолчали. Знали: правду не любит никто.

Когда областное начальство уехало, Сахарчук сплюнул в сторону, где скрылся «Ленд крузер» и загибисто гаркнул:

– Твою так... Вот сегодня можно напиться! Айда ко мне!

\* \* \*

На столе у Стеши гостей ждала окрошка в её исполнении и салат из огородной зелени.

Сахарчук, взбудораженный недавней встречей с областным начальством и довольный её исходом, разлил всем по полстакана самогона. Предупредил:

– Только по разу. Мы, мать, – это уже к Стеше, – на озеро ходим, сетёшку поставим или с бредешком полазим... Как, хлопцы?

Хлопцам было хоть как. Во-первых, день для них сложился удачно. Во-вторых, на озеро любопытно посмотреть, тем более – половить рыбу. Про сети они что-то слышали и видели их раньше издалека – в Испании, в Таиланде, да и дома на своих водоёмах. А про бредешок ничего сказать не могли.

Поэтому Верёвкин определённо заявил:

– Лучше бредешком.

Сахарчук выставил нос, пытался прищурить глаза, но это ему не удалось.

– Я тоже люблю бредешок. Тут сразу: или есть, или нету... Только, хлопцы, ежели дядя Ким лодки не даст, будем в воде лазить своим пёхом. Вода, знаете, какая...

Дожевывая зелень, Верёвкин ответил за двоих:

– Можно и пёхом.

Хотя и не знал, кто и что должен делать с этим русским бредешком и как это – по воде пхом... Вроде Иисуса Христа?

После трапезы Сахарчук сунул в зелёный рюкзак бредень, и компания отправились к озеру.

Озеро было небольшое, почти круглое, диаметром не больше трети километра. Шпионы ещё не отвыкли от своего счёта: Пантера прикинул расстояние до противоположного берега по-своему – около тысячи футов.

Там же около изгибистого берега, где кучерявился тальник, маячила в лодке фигура дяди Кима.

– Выходит, надо раздеваться, – не на шутку разволновался Сахарчук. – Раз лодки нет, значит, лезем в жидкость.

– Можно и в неё, – согласился Верёвкин. – Труссы тоже снимать?

– Оно бы надо, чтоб не мочить... Но бабы кругом, опять же – ребячёшки. Им-то наш интерес ни к чему...

– А я знаю: женщины любят смотреть на голых мужчин, – проорчал Верёвкин.

Селивёрстов усмехнулся:

– Только на таких, как ты, Петро.

Сахарчука, как самого хилого в боевом строю, оставили на берегу.

Теперь он в роли топ-менеджера давал шпионам ЦУ:

– Ты, Вася, дуй вдоль берега... А ты, Петруха, – поодаль. Смотри, чтобы вода до рта не доходила... Значит, порвнее и без шума. Пошли!

\* \* \*

Селивёрстов шёл, часто спотыкаясь. У берега было много донных камней, кое-где вода поднималась выше колен, доходила даже до пояса.

Верёвкину достался более трудный путь. То вода плескалась у его груди, а то вдруг он проваливался и вынужден был, не касаясь дна, плыть и грести правой рукой.

Так с горем пополам прошли метров семьдесят.

Сахарчук вышагивал по тёплому песчанистому берегу, довольный, что все его указания выполняются чётко и без возражений.

Наконец, скомандовал:

– Василий, стой! А ты, Петя, по кружку так, по кружочку обходи его. И ко мне, ко мне... Вот так, ребята! И на берег. И на берег...

Шпионы вытащили на песчано-гравистую поверхность двадцатиметровой ширины бредень, в середине которого тянулась мотня, похожая на сплюснутый рыбий пузырь. Улов должен находиться в мотне.

Сахарчук подошёл к ней первым. Потом враз подоспели Селивёрстов с Верёвкиным.



– Одни камни, – разочарованно сглотнул слюну Селивёрстов.

– Нет, рыба это, – разглядел Верёвкин. – Только дохлая.

– Карась, – заключил Сахарчук. – Спал в иле...

В это время одна рыбина тяжело взмахнула хвостом.

– Так она живая!? – наклонился Селивёрстов.

Выгребли из мотни всё, что было. В сторону отбросили обкатанный временем серый камень, ухваченный бреднем. Рыбы оказалось почти полрюкзака.

– Выжимайте трусы и одевайтесь! – приказал Сахарчук.

Он был сейчас похож на крохотного Наполеона, разгромившего вражеское войско. Вот если б не этот выдающийся нос...

Назад шли споро и со смешками. Увесистый рюкзак с рыбой и с бреднем нёс на плече Верёвкин. Он натужно посапывал, но смотрел исподлобья дружелюбно, изогнув свои рыжеватые бровки. На штанах шпионов выступили тёмные пятна – следы мокрых трусов.

– Ничё, хлопцы. Нынче я вам хлебную баньку истоплю, с квасом... Попарю вас. А то когда ещё в наши края вернетесь?..

Шпионы думали каждый о своём, потому промолчали.

\* \* \*

К вечеру Сахарчук, как и обещал, снова натопил баню. Потом посидели за Стешиным застольем. Легли спать рано.

В открытые окна проникало твиканье соловьёв. Иногда комнату освещали вспышки зарницы. Где-то стороной шла гроза, всполохи молний были слабо видны в гуще облаков, а звучанье грома не доносилось.

Пантере снился родной город Вашингтон. Будто идёт он по липовой аллее с Марией. Хочет её обнять, а она вырывается от него... Начинается дождь. Пантера раскрывает зонтик и видит, что рядом с ним не Мария, а Соня Молоток. Она, словно наяву, спрашивает: «Ты меня забыл, милый?»...

Пантера просыпается и затаённо молчит. Напротив сопит Бык. Изредка посторонний свет освещает его безмятежное лицо и опущенную до пола руку.

Бык тоже видит свой сон... Захлебывая озёрную воду, он тянет в воде что-то упругое, похожее на рыбацкий трал. Вот на чёрном коне по берегу скачет янычар дядя Ким и заставляет

всех валить в баню. Там с двумя распаренными вениками в руках стоит Сахарчук и молотит каждого на банном полке. С силой бьёт по спине Верёвкина, а Петру совсем не больно, даже приятно... И снова снится озеро, окаймлённое изумрудной зеленью низкорослых деревьев...

Когда гости ещё спали, Сахарчук побежал к Кольке Тудегешеву. Растряс того в крохотных сенцах, где на деревянном топчане Колька отсыпался от укоров молодой жены и от крика новорождённого сына.

– Значит, так... Если ты, Колька, с утра похмелишься, я тебе башку оторву. Понял? Часов в девять поедешь на станцию. Повезёшь Селивёрстова и Верёвкина. Понял?

– Всё понял, Иван Полуэктович! А как я?.. Я ни с тобой, ни с ними ребёнка ещё не обмыл. Это нехорошо.

– Даю слово: ещё обмоем!

\* \* \*

Около девяти часов к дому подъехал Колька Тудегешев. Он выглядел задористо и свежо, будто раннее солнышко. Поздоровались.

– Как сына назвал? – спросил Селивёрстов.

– Как и обещал – Васькой. Тебя в крестные запишу. Будет красивым, как ты, а сильным, как Верёвкин.

Верёвкину это польстило.

– На крестины позову всех.

– Лишь бы работа наладилась, – с надеждой влез в разговор Сахарчук.

– Работа не волк, в лес не убежит, – заверил его Колька Тудегешев.

Обратную дорогу все больше молчали. У Кольки, видать, «горели трубы», и он поехал на станцию только ради большого уважения к гостям. И взять баночки три пивца.

А шпионы никак не могли придти в себя от нахлынувших на них в последние дни событий.

На прощанье у двери неказистого здания, именуемого на полустанке вокзальным помещением, Колька протянул поочередно короткопалую ладошку:

– Ну, пока, мужики. Век не забуду! Это из-за вас у меня мальчишка родился.

Выискивая маленькими глазами Верёвкина, бросил ему особо и с надеждой:

– Следующего пацана назову Петькой. Честное пионерское!

